

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 года

Выпуск
225

Главный редактор
Н. А. МАКАРОВ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2011

УДК 902/904
ББК 63.4
К 78

Главный редактор:
Член-корреспондент РАН Н. А. МАКАРОВ

Редакционная коллегия:
к. ист. н. Л. И. Авилова (зам. главного редактора),
д. ист. н. В. И. ЗАВЬЯЛОВ (отв. секретарь),
д. ист. н. Л. В. КОЛЬЦОВ, д. ист. н. С. Н. КОРЕНЕВСКИЙ,
д. ист. н. В. Д. КУЗНЕЦОВ, к. ист. н. Н. В. ЛОПАТИН

Рецензенты:
д. ист. н. Ю. Б. ЦЕТЛИН, к. ист. н. Н. Н. ТЕРЕХОВ

К 78 Краткие сообщения Института археологии. Вып. 225 / Ин-т археологии РАН; Гл. ред. Н. А. Макаров. — М.: Языки славянской культуры, 2011. — 280 с., ил., вклейка после с. 182.

ISSN 0130-2620
ISBN 978-5-9551-0492-8

Очередной выпуск практически полностью посвящен исследованиям археологических материалов эпохи бронзы. Основу выпуска составили материалы Круглого стола «Катакомбная культурно-историческая общность/область: структура, номенклатура, динамика развития», состоявшегося в Москве в апреле 2007 г. В статьях представлены современные взгляды на наиболее актуальные проблемы степной археологии, включая пространственную и иерархическую структуру обширной катакомбной общности, абсолютную хронологию входивших в нее культур, результаты типологического и аналитического изучения материалов. Публикуется ряд статей, посвященных исследованиям памятников бронзового века в России и за рубежом в широком хронологическом диапазоне — от раннего до позднего периода бронзового века.

Данные исследования будут интересны для археологов, историков, этнографов и других представителей смежных с археологией наук.

ББК 63.4

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0492-8

© Учреждение Российской академии наук
Институт археологии РАН, 2011
© Авторы, 2011
© Языки славянской культуры, 2011

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА «КАТАКОМБНАЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ/ОБЛАСТЬ: СТРУКТУРА, НОМЕНКЛАТУРА, ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ» (МОСКВА, АПРЕЛЬ 2007 г.)

А. Н. Гей

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ¹

A. N. Gei. Catacomb cultural and historical unity: Problems, discussions,
and prospects of investigation

Abstract. The paper is an attempt to characterize the present-day situation in investigation of Catacomb cultural and historical unity, a wide-scale phenomenon in the Bronze Age of the South-eastern part of the European steppe. A series of problems related to singling out separate Catacomb cultures and their relationships is pointed out. Of special importance is recently outlined early Catacomb Azov culture placed between the Early Bronze Age entities (Novotitorovka culture) and classical Catacomb cultures (Donets, West- and East-Manych, Ingul groups). Numerous data evidence mainly local way of formation of Catacomb unity and its separate variants, which seriously question migrationist hypotheses, so popular not long ago. Many problems remain unsolved, such as the role Early Bronze Age “wagon burials” played in formation of the Catacomb world, the factors that caused its convergent development, and the processes of its destruction, and the like. Taking into account new materials and hypotheses, it seems necessary to pay serious attention to the traditionally difficult problem of interaction between the steppe and Central European cultures in the Bronze Age.

Ключевые слова: катакомбная культура, хронология, этнокультурный феномен, историческая интерпретация, керамические сосуды.

Катакомбная культурно-историческая общность – одно из наиболее масштабных и выразительных образований бронзового века Восточной Европы.

¹ Настоящая работа представляет собой изложение вступительного слова при открытии конференции «Катакомбная культурно-историческая общность: структура, номенклатура, динамика развития». Она несколько дополнена: в ряде случаев ссылки заменены на более полные работы упоминаемых авторов, вышедшие уже после 2007 г.

Сознательное изучение ее насчитывает уже более ста лет, его история сама по себе интересна, поучительна как пример поступательного развития наших знаний, но одновременно и достаточно известна. Имеет смысл обратиться прежде всего к характеристике современного состояния и связанных с ним проблем (как их понимает автор).

Типическая схема археологического исследования этнокультурной направленности такова: открытие яркого и не похожего на уже известные памятника (констатация нового явления) → накопление информации о близких или даже аналогичных памятниках (выделение новой общности) → дальнейшее накопление материалов и диверсификация методов изучения (установление внутренней структуры общности, а затем неизбежное усложнение и ветвление этой структуры). Параллельный (но постоянно влияющий на первый) ход – соотнесение новых явления – общности – структуры с окружением, аналогичными сущностями по соседству, с предшествующими, с последующими (а они тоже постоянно меняются и усложняются). Смысл процесса – поиск решений наиболее сложных задач, касающихся генезиса, развития и последующих судеб явления, и историческая их интерпретация.

Все это применимо к изучению катакомбной общности и ее структуры с той оговоркой, что для одних территорий и групп памятников сейчас уже можно предполагать различие не просто реальных коллективов, но буквально семейных групп (что, впрочем, требует проверки генетическими анализами), тогда как другие остаются недостаточно или плохо изученными. Тем не менее постоянное усложнение структуры и применение означенных выше общих вопросов к отдельным ее составляющим, как кажется, способствует пониманию основных вех развития общности в целом. Важнейшим результатом последних двух десятилетий является разработка, грубо говоря, трехступенчатой культурно-хронологической схемы катакомбного мира с признанием наличия нескольких культурных образований (культур, культурных типов или групп) на каждом этапе, притом что ни одно из них не существует более двух этапов. Выделение особого раннекатакомбного этапа с его предднепровской культурной группой в Северном Приазовье и на Нижнем Дону и приазовской культурой в Прикубанье способствовало разделению проблемы происхождения катакомбной культуры на составляющие: сложение самих этих ранних групп и формирование в последующем на их основе серии локальных катакомбных культур развитого этапа. А очевидное в обоих случаях наследование культурных норм и стереотипов (в первом случае от новоторовской культуры и ее аналогов, во втором – от раннекатакомбных групп) способствовало отходу от миграционистских схем формирования катакомбной общности, доминировавших на протяжении всего XX столетия. В любом случае существенная роль местных групп и автохтонных процессов признается теперь даже решительными сторонниками внешних импульсов.

Перейдем к характеристике отдельных культур и связанных с ними проблем, которые представляются наиболее важными в настоящее время.

1) **Предднепровская и/или приазовская.** Долгое время оставалась намеченной крайне эскизно. Лучше других изучены памятники Донца и Нижнего Дона, обозначаемые как раннекатакомбные (Смирнов, 1996) или относящиеся к ран-

нему этапу донецкой культуры (*Братченко, 2001*). Этот нюанс достаточно важен: по сути, речь идет о том, имеет ли место особый раннекатакомбный пласт всей общности или выразительный локальный феномен, ставший основой для формирования лишь некоторых катакомбных культур. Широкое территориальное распространение материалов раннего облика достаточно очевидно, однако в некоторых районах (Калмыкия, Северо-Западное Причерноморье, Нижнее Поволжье) так называемые раннекатакомбные комплексы часто недостаточно гомогенны или недостаточно отчетливо выделяются из всего катакомбного массива (*Шишлина, 2007*), а по особенностям обряда и инвентаря должны быть признаны несколько более поздними, чем древнейшие материалы в приазовском «очаге» катакомбного культурогенеза, и скорее сопоставимыми с начальными фазами локальных катакомбных культур развитого этапа общности.

Один из аспектов проблемы «первичного очага» или «центра» катакомбного культурогенеза связан с его локализацией (Нижний Дон, или все-таки Кубань, или и то и другое?). В сопровождающем инвентаре из наиболее ранних катакомб Правобережья Нижнего Дона и прилегающих районов Северного Приазовья присутствует небольшая, но выразительная серия сосудов с характерной орнаментацией в виде очень длинных, спускающихся до придонной части, заштрихованных треугольников с особенным обрамлением боковых сторон, представляющая как бы особый керамический стиль, который может быть назван «кадамовским». Известна подобная находка и в Прикубанье (Новокорсунская, 2/17; см.: *Кондрашов, Тарабанов, 1986*), с той разницей, что здесь подобный сосуд связан с комплексом, формально соответствующим заключительному, третьему этапу новотиторовской культуры (яма с уступом и угловой ступенькой, что, с моей точки зрения, позволяет включать ее в число «протокатакомб»; детали повозки на уступе; скорченное на правом боку положение погребенного с западно-юго-западной ориентировкой), предвещающему появление собственно катакомб. Нельзя исключить возможность, что данный комплекс является в действительности не новотиторовским, а «постновотиторовским», отражающим сохранение новотиторовских традиций уже в раннекатакомбной среде. Такие случаи не единичны. Но интрига, связанная с уточнением хронологического соотношения предкатакомбных и раннекатакомбных материалов на разных территориях, сохраняется, и разрешать ее только по керамическим материалам, даже по их стилистическим особенностям, вряд ли правомерно. Такие признаки могут довольно причудливо изменяться в пространственно-временных координатах.

Стоит особо отметить и проблему разнонаправленности развития отдельных составляющих более раннего «блока культур с повозками» и сменяющих их раннекатакомбных образований. Почему чрезвычайно схожие с новотиторовцами буджакцы игнорировали катакомбный путь? Почему на всей территории катакомбной общности формируются локальные культуры развитого ее этапа, а «на родине», в Приазовье, продолжается развитие приазовской культуры, тогда как более заметный рубеж отделяет ее поздние памятники от батуриных?

2) **Предкавказская.** За последние полвека претерпела, пожалуй, наибольшие трансформации. В настоящий момент на ее месте выделена группа самостоятельных культур со скорченным обрядом погребений: **западномамынская,**

восточноманычская и несколько более поздняя по отношению к ним **батуринская** (наиболее отчетливая в Прикубанье, но имеющая соответствия и на остальных территориях Предкавказья). Заметный контраст им представляют культурные группы с обрядом вытянутых погребений: весьма архаичная «степная» **северокавказская катакомбная** (основное ядро которой занимает территории Калмыкии и северных районов Ставрополя) и хронологически более поздняя «предгорная», наиболее ярким проявлением которой является **верхнекубанская** группа. Интерес представляют как критерии, положенные в основу различия, так и смысловая сторона их группировки. При значительном сходстве в погребальных конструкциях и материальном комплексе западно- и восточноманычская предельно четко разделяются по обряду (скорченные захоронения, правобочные с преобладанием северных и западных ориентировок в первом случае и левобочные с южными и восточными ориентировками – во втором). Реальность их обособления/противопоставления подчеркивается примером со специфической группой левобочных погребений из района Азова, представляющей собой специфический восточноманычский анклав внутри западноманычского ареала. И наоборот: заметные отличия в конструкции катакомб и в материальном наборе при очевидной одновременности северокавказских катакомбников Центрального Предкавказья, с одной стороны, и Закубанья – Верхней Кубани – с другой, не противоречат их отнесению к разным стадиям развития одного и того же массива населения, практиковавшего обряд вытянутых труположений.

3) **Донецкая**. Вопрос о формировании этой яркой и самобытной культуры, занимающей в территориальном отношении центральное место в катакомбном ареале, до выделения преддонецкого типа или пласта практически приравнивался к проблеме формирования всей катакомбной общности; так он был обозначен еще В. А. Городцовым, так рассматривался в работах Л. С. Клейна. С учетом новых данных он очевидно должен быть переориентирован на выяснение, почему из преддонецкой основы, в общем-то единой, берут начало такие заметно отличающиеся и принципиально отказывающиеся смешиваться между собой культурные образования, как донецкая и западноманычская культуры. Не меньший интерес представляют и такие темы, как время и причины распространения не характерных для преддонецкой культуры новых типов погребальных сооружений (так называемых Н-катакомб), северные границы донецкой культуры и роль ее в формировании лесостепных групп, характер смешанных позднедонецких или бахмутских групп, культурный набор которых достаточно своеобразен и вряд ли может объясняться только донецкими или манычскими прототипами.

4) **Среднедонская**. На протяжении долгого времени основное внимание исследователей привлекали вопросы относительной хронологии и периодизации. Только недавно предпринята совершенно справедливая попытка выделения локальных вариантов – право- и левобережного (*Березницкая*, 2003), которые в перспективе могут обрести статус самостоятельных культур. Для правобережной вполне может быть сохранен старый термин – харьковско-воронежская, поскольку ей свойственна ориентация на западную и юго-западную лесостепь; основное направление связей левобережной – юго-восточные степные районы, причем границы с доно-волжской культурой выглядят пока достаточно проблематично.

5) **Дона-волжская.** Не общепризнанная; по сути, находится в стадии выделения и обособления от прочих. Начало этому процессу было положено еще работами В. И. Мельника, выделившего «чистые» катакомбные комплексы из достаточно аморфного круга полтавкинских памятников Поволжья. Спорными остаются вопросы не только ее разграничения со среднедонской левобережной, но и западных ее пределов, где отмечается размытость характеристик комплексов с елочной (елочно-гребенчатой) орнаментацией, особенно по направлению к Нижнему Дону и Донцу.

6) **Ингульская.** Определение хронологической позиции и места ее в системе катакомбной общности выглядит пока достаточно противоречивым. С одной стороны, большинство исследователей склонно относить ее к числу позднекатакомбных образований. Вместе с тем существуют и не лишённые резонанса заключения о тесных связях, даже симбиозе, с поздними ямниками и донецкими катакомбниками. Вероятный архаизм погребального обряда, свойственного ингульской культуре и отличающего ее от других катакомбных групп Северного Причерноморья (вытянутые трупоположения), свидетельствует скорее в пользу второй точки зрения. Кроме того, при отчетливых параллелях с культурными группами, практиковавшими такие же вытянутые захоронения в Предкавказье (сопровождаемых определенными элементами сходства антропологического типа в обоих ареалах; впрочем, эти данные также пока немногочисленны), больше точек соприкосновения находится не с верхнекубанской группой или северокавказскими степными катакомбниками, а с хронологически им предшествующей собственно северокавказской культурой (в формах керамики, в пристрастии к топорам). Представляется, что разрешение этого противоречия возможно прежде всего через разработку вопросов о хронологической неоднородности и локальной вариативности такого обширного образования, каким является ингульская культура.

Новая хронология. Принципиальное значение для решения вопросов о структуре катакомбной общности, а также о взаимоотношениях входящих в нее образований между собой и с другими синхронными культурами имеет решительный переход от традиционной хронологии к системе калиброванных радиоуглеродных дат. Работы старше 5–7 лет с их определениями («к первой половине XVII в.; не позднее рубежа XIX–XVIII вв.») воспринимаются ныне как глубокий анахронизм.

При этом следует отметить неравномерную обеспеченность датами разных культур общности и почти полное их отсутствие для некоторых. Среди последних – батуринская культура и верхнекубанская группа Предкавказья; определения для ингульской начали поступать лишь в самое последнее время (Kaiser, 2003). Крайне ограничены пока данные и по среднедонской. Первая дата, полученная для погребения 47/4 Павловского могильника на Левобережье (4130 ± 40 BP, или $2873\text{--}2615$ BC cal) была отвергнута как чрезмерно удвоенная (Синюк, 1983). Вторая, полученная для погребения правобережного варианта (могильник Репная Балка, 1/5), определена как 4030 ± 70 BP, или $2615\text{--}2463$ BC cal (ИГАН-2449). Обе они соответствуют диапазону дат памятников среднего и позднего этапов развития общности с других территорий, что

не подтверждает распространенного мнения об особо поздней хронологической позиции среднедонской культуры в целом².

Новые открытия и разработки. Среди наиболее важных для изучения катакомбной общности, особенно позднейших ее фаций, следует признать плодотворную разработку в последние годы тематики посткатакомбных культур и синхронных им образований. Обобщение данных по бабинской культуре и уточнение ее состава и структуры (отраженное наиболее полно в серии работ Р. А. Литвиненко; см.: *Литвиненко, 2009*), выделение долинской культуры и криволукской группы (*Мимоход, 2005*) не только очертили целый блок, сформировавшийся на месте и при участии предшествующего катакомбного, но и способствовали заметному продвижению в понимании потаповско-синташтинского этнокультурного феномена и проблем становления культур эпохи поздней бронзы. Примечательно, что сами исследователи потаповско-синташтинских древностей, говоря об их истоках, неизменно отсылают нас к позднейшим и особенно катакомбным группам Поволжья – Подонья, однако детальные сопоставления, позволяющие определить и локализовать прототипы тех или иных признаков данного культурного комплекса, пока не проведены.

В заключение, говоря о современном состоянии исследований катакомбной культурно-исторической общности, упомянем еще два момента. Первый связан с наблюдающимся на протяжении последних 10–15 лет и охватившим практически все сферы и разделы археологической науки распространением новых естественных и аналитических методов, можно даже сказать – с повальным увлечением ими. Положительная сторона такой ситуации сомнений не вызывает, поскольку развитие междисциплинарных направлений способствует получению новых блоков информации для решения старых и постановки принципиально новых проблем. Однако на фоне заметных успехов по ряду вопросов (взаимодействия древних обществ и природной среды, палеоэкономики, истории производств, палеодемографии, а также хронологии, которая при всей своей важности остается все-таки вспомогательной дисциплиной) наблюдается и очевидное снижение интереса к традиционным направлениям – типологии и систематике, без которых анализ археологических источников, полноценная интерпретация их и выход на уровень исторических обобщений представляются мне невозможными.

А ведь здесь насущно необходимы многие разработки. Назову для примера типологию погребальных сооружений-катакомб (практически застывшую на вариациях плана сооружений – так называемых Т-, У- или Н-видных катакомбах – и не касающуюся множества иных красноречивых признаков), а также типологию поз погребенных (аналогичным образом ограничивающуюся «скачущими всадниками», «адорантами» и «пакетами»). Отмечаю именно эти две позиции не только потому, что они служат важнейшими критериями для выде-

² В дальнейшем близкие, хотя и несколько более поздние, даты были получены для комплексов могильника Паницкое VI в Саратовской области, тяготеющих к «левобережной» разновидности среднедонских катакомбных памятников (*Мимоход, 2009. С. 36, 37, 43*).

ления разных культур и культурных групп внутри общности, но и потому, что их изменчивость имеет, как кажется, свою логику, понимание которой важно и для реконструкции идеологических представлений разных групп катакомбного населения, и для уточнения характера их связей (генетических в том числе) между собой или с другими синхронными и асинхронными общностями.

Второй условно «неблагополучный» участок – рассмотрение катакомбного блока на более широком фоне, соотнесение его с ближними и дальними соседями. Выше уже отмечалась проблемная ситуация, касающаяся вклада катакомбной общности в формирование синташтинского феномена. Не меньше вопросов, и в частности в свете перехода на систему калиброванных дат, вызывает южное направление, рассматривавшееся ранее с диаметрально противоположных позиций: либо как источник импульса, не то предопределившего, не то отметившего своим влиянием формирование катакомбной общности, либо как вероятный маршрут продвижения отдельных групп уже сложившейся катакомбной культуры или даже тотального исхода ее носителей (при условии отождествления их с индоариями, что предлагается в серии работ Л. С. Клейна).

Что же касается запада и северо-запада, то здесь первоочередным выступает старый вопрос о связях или отношениях культур катакомбной общности с близким по своим масштабам блоком культур шнуровой керамики. Признание определенных параллелей в материальном комплексе и обрядовых формах у тех и других никоим образом не отражается на возобладавших в отечественной и европейской науке представлениях, согласно которым и восточнобалтийские, и восточноевропейские культуры рассматриваются прежде всего как дериваты центральноевропейских (последний пример см.: *Зальцман*, 2009). При этом забывается, что и в тех и в других в разных сочетаниях присутствуют и проявляются черты южноевропейских степных скотоводческих образований, среди которых уже сейчас могут быть распознаны связанные с ямной (древнеямной) общностью, синхронным, но не тождественным ей блоком «культур захоронений с повозками», наконец собственно катакомбные. Систематизация этих параллелей и определение, пусть гипотетическое, стоящих за ними исторических реалий – одна из насущных задач изучения европейского бронзового века.

ЛИТЕРАТУРА

- Березуцкая Т. Ю.*, 2003. Среднедонская катакомбная культура и ее локальные варианты. Воронеж.
- Братченко С. Н.*, 2001. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганськ.
- Зальцман Э. Б.*, 2009. Поселения культуры шнуровой керамики на территории Юго-Восточной Прибалтики: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Кондрашов А. В., Тарабанов В. А.*, 1986. Отчет о раскопках 2-х курганов в станице Новокорсунской Тимашевского района Краснодарского края в 1985 г. // Архив Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника. Д. 442.
- Литвиненко Р. А.*, 2009. Культурный круг Бабино (по материалам погребальных памятников): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Киев.
- Мимоход Р. А.*, 2005. Блок посткатакомбных культурных образований (постановка проблемы) // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Луганськ.

- Мимоход Р. А., 2009. Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов. М.
- Синюк А. Т., 1983. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Воронеж.
- Смирнов А. С., 1996. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М.
- Шишлина Н. И., 2007. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тысячелетия до н. э.) // Тр. ГИМ. Вып. 165.
- Kaiser E., 2003. Studien zur Katakombengrabkultur zwischen Dnepr und Prut // Archäologie in Eurasien. Bd. 14.

В. И. Мельник

ПРОБЛЕМА УРОВНЕЙ ОБЩНОСТИ КАТАКОМБНОГО КУЛЬТУРНОГО КРУГА

V. I. Melnik. The Catacomb cultural circle: Problem of the unity structure

Abstract. The author presents a review of the views on the determination of Catacomb archaeological sites starting from their discovery by V. A. Gorodtsov till present, with special attention paid to the evolution of terminology reflecting the ideas on the nature of this unity: a single culture, a set of synchronous local variants, separate Catacomb cultures, Catacomb cultural and historical unity formed of several groups, Catacomb cultural circle. The present situation is considered as a crisis related to the variability of criteria used for determination of status of certain groups.

Ключевые слова: катакомбные памятники, терминология, таксономия, археологическая культура, культурно-историческая общность, культурный вариант, культурное взаимодействие.

Начиная с исследований В. А. Городцова, определившего группу погребений эпохи бронзы как представительницу катакомбной культуры, существует проблема отнесения тех или иных памятников по мере накопления материала к данному или другому культурному образованию. В основу выделения культуры были положены особенности погребального сооружения по сравнению со стратиграфически предшествующими сооружениями (ямными) и последующими (срубными), что и дало название – донецкая катакомбная культура. Наличие специфического инвентаря и различная позиция погребенных, сочетающиеся с названными сооружениями, укрепляли своеобразие выделяемых групп. Таким образом, В. А. Городцов реализовал идею выделения археологической культуры, носителем которой, по его мнению, был некий народ (*Городцов, 1905*).

В 1930-е гг. отечественная историческая наука оказалась во власти так называемого социологического подхода и стадийной теории, и понятие археологической культуры практически исчезло из оборота.